Вечерний Петербург

От 3 мая 2011г.

«Начните с культуры! Все остальное — только инструментарий»

Кинорежиссер Александр Сокуров встретился с учащимися Лицеинской гимназии

Он приехал в гимназию прямо со съемочной площадки, где идет завершение его нового фильма «Фауст». Но не стал говорить с учениками о кино, а сразу завел разговор о самом, на его взгляд, главном — о духовном пути человека. Разговаривая Сокуров со старшеклассниками на равных, как со взрослыми, на вопросы отвечал искренне, без тени снисходительности.

А прежде чем расстаться с гимназистами, Александр Николаевич задал им загадку: он принес с собой странный стеклянный сосуд, напоминающий чайник, заполненный ярко-синей жидкостью, и предложил отгадать, что это за прибор. Ребята передавали сосуд по рядам, рассматривали, встряхивали, спрашивали, какие он фокусы и цвет... А Сокуров явно наслаждался загадкой-метафорой. Ни один отличник так и не смог дать правильный ответ, оказалось, что этот сосуд — барометр, изобретенный в XIX веке Гете.

Разговор с гимназистами Александр Сокуров начал с рассказа о себе:

— Я сын офицера Советской Армии, и наша семья все время переезжала с места на место. Так что мне не выпало счастья учиться в одной школе и в одном классе. Да и своих детей я мог считать только два школьных шкафа, которым как переехали с собой, и наша на время места снова расставала в них книги. Среди этих книг и я жил. А мозги сильно бежали товарищи был радиотехникою. В 9-ом классе я усиливал радиоклуб «Мадам Бовари». Этот сюжет для меня стал своеобразной точкой отсчета. И мог когда я закончил школу, то решил для себя две вещи: во-первых, что я должен уехать из дома, отродителей, иначе никогда не стану своим собой и не буду жить своей жизнью, а во-вторых, что я должен получить высшее гуманитарное образование, а потому уже могу заниматься чем угодно. Я всегда думал, что мы родители, а я сам отвечаю за свою жизнь и за свои поступки, поэтому хоть они и не были довольны, но купили мне билет, и я уехал поступать на исторический факультет.

Я хочу, чтобы ученики, посмотрев снимки «Фауста», читали прочитанное самому

— Когда вы осознали, что можете в своих фильмах говорить народу то, что вы пережили и понял?

— Я до сих пор этого не осознал. Когда-то в ворохе с властью, меня вызывали повиниться и сменить такие кино, как хо, а я не хотел. Я долго был под следствием, и если бы не началась перестройка, то мне даже известен тот лагерь под Сыктывкаром, где я должен был сидеть. Хотя трудно было понять, из-за чего меня преследуют, ведь я никогда не интересовался политикой, — но каждый мой фильм не был допущен показу. А потом я понял, что неизменным художественное творчество было мои гражданским заявлением: мол, я такой и не буду лизать на массы, а властям это не нравилось. Но теперь я понимаю, что главный противник художника — не государство, а народ. Это народ уничтожает художнику на дворе. Вот это сейчас я волнуюсь со страшным напряжением, которое называется техническим? Народ. Кто выбирает тех, кто о народе не заботится? Народ. Загрязнейшее наш язык, потому что мы с вами тоже часть этого народа. И мы должны понимать, что за стенами этой гимназии мы сталкиваемся с неизвестными тем, кто не знает, что такое работа, что такое благородство, что такое литература. Как среди них останется человеком — это испытание, которое нас ждет.

— Как вы относитесь к экранизациям?

— К экранизациям я отношусь сверхдивно. Когда в сильные фильмы по литературному произведению, то стараюсь быть осторожным с автором. Кино — это агрессивное явление культуры. Только чтение учит нас включаться в процесс, подсказывать. Поэтому у меня нет мечты что-то экранизировать. Разве что я хотел бы снять «Божественную комедию» Данте, но это очень трудоемкостная идея. Сейчас мы заканчиваем работу над «Фаустом», этот фильм — не вполне экранизация, так есть персонажи, которые придумал я, их нет у автора. И моя задача, чтобы зритель, посмотрев «Фауста», прочитал хотя бы одну главу, тогда я буду благодарен за возможность снять этот фильм.

— Какая цель у кинематографа?

— Это очень сложный вопрос. У 99% кинематографистов цель — заработать деньги. Но у кино должна быть такая же цель, как у всего искусства: сохранить в человеке гуманитарные качества. Я долго думал, зачем нужно искусство, и так для себя понял: оно приваривает нас к тем, что в нашей жизни может произойти что-то страшное и готовит нас к смерти. Искусство — большой театр, где человек проигрывает разные роли и в нем переживает страшные события, которые могут произойти в с жизни. А представьте, что мы бы не сталкивались с трагедией литературы, кино, живописи, разве мы могли бы выстоять в жизни? А еще искусство развивает в человеке благородство и сострадание.

Искусство приваривает нас к жизни и готовит к смерти

— Мы понимаем, что это нам придется возрождать Россию. Что вы посоветуете?

— Россию не нужно возрождать, она есть, и она реальность. Но я вас, и нас должны думать, какой ей быть. Сложность существования России в том, что за столетия накопилось такое количество неразрешенных вопросов, что теперь мы не знаем, с чего начать. Мне приходилось говорить и Владимиру, и Путину: начните с культуры, а все остальное — только инструментарий. Мне кажется, что нашей стране предстоит трудные времена, нам всем придется думать о государстве, которое мы так ждем и не создали до конца, а это большая и тяжелая работа.

Записала Виктория АМИНОВА